

— Удачные выступления перед научной общественностью - на семинаре ли в ИЗМИРАНе или, тем более, на Всесоюзной конференции всякий раз воодушевляли нас на продолжение подвигов, давали дополнительный импульс к новым расчётам, новым задачам. Мечты о диссертациях у ребят, особенно у Кости, казались всё более реальными и осуществимыми. Дискуссии порождали новые идеи, новые планы, и сразу после ростовской конференции мы снова всем скопом собрались в Вильнюсе, исследовали влияние верхних граничных условий на моделируемые ионосферные параметры, начали проводить первые расчёты по моделированию уже не спокойной, а возмущённой ионосферы, в частности, эффектов солнечных вспышек и возмущений нейтральной атмосферы.

— Наши жёны завидовали нам, проводящим (по нашим же рассказам) свободное время в очаровательных забегаловках Вильнюса, цивилизованного города, тогда как они вынуждены скучать в захолустном Калининграде, а кто и в Ладушкине, без мужей и развлечений. Мы с Костей давно мечтали вытащить своих жён к себе на экскурсию, и, наконец, это мероприятие удалось осуществить. Главным было устроить комфортабельный ночлег нашим жёнам, желательно со своими мужьями, чтобы впечатление от прогулок по Вильнюсу не испортилось отсутствием места, где можно было бы отдохнуть от ходьбы, как это случилось у нас во время первой поездки в Вильнюс с Лебле. В этом нам навстречу пошёл Болис Никодимыч, недаром мы его поили. Он выделил мне и Косте по уютной комнатке в гостиничном отсеке общежития, где мы и поселились с жёнами на время их короткого визита - на субботу-воскресенье.

— Несмотря на неважную погоду - всё-таки был уже ноябрь месяц - мы много бродили по Вильнюсу, слушали органную музыку в картинной галерее, поглазели на товары в магазинах, шикарно пообедали в "Лавке ремесленника", где нас потчевали каким-то фирменным мясным блюдом, очень нам понравившимся (искали мы, правда, "Локис", но так и не нашли в тот раз, однако, и "Лавка ремесленника" нас не разочаровала). К сожалению, Костя с Галкой умудрились чуть ли с первых часов поссориться, и всю дорогу выясняли отношения, уж не знаю, какая шлея Галке под хвост попала... Мы же с Сашулей были вполне довольны друг другом и Вильнюсом и наслаждались встречей.

Поработав около месяца в Вильнюсе, мы привезли в Калининград кучу новых интересных результатов, которые ещё в Вильнюсе начали оформлять в виде статей для "Геомагнетизма и аэрномии", центрального геофизического журнала, в котором нам пока так и не удалось ещё опубликоваться (правда, была принята к печати наша статья с Никитиным по электрическим полям). Были подготовлены статьи: Коренькова, Захарова и Намгаладзе (А.Н. - Сашули) "Исследование зависимости концентрации ионов O^+ от зенитного угла Солнца" и две работы Намгаладзе (А.А.) и Латышева "Исследование влияния верхних граничных условий на моделируемые ионосферные параметры" и "Исследование реакции среднеширотной ионосферы на возмущения нейтральной атмосферы".

Последними двумя статьями фактически завершалась работа над Костиной диссертацией. Когда мы с ним зимой были в Мурманске, Борис Евгеньевич высказывал нам своё мнение, что на одних численных методах Косте будет трудно защитить диссертацию по геофизике, нужен яркий геофизический результат, а того, что имелось (в июле) - маловато, годится как иллюстрация, но не содержит принципиальной новизны. Теперь такой результат был, и не один, а несколько, включая новые, только что полученные результаты, и то, что мы представляли в Ростове.

Писать диссертацию Костя начал ещё летом. Текст последних двух наших статей составил основу заключительной, третьей главы диссертации, в первой излагалась постановка задачи, вторая была посвящена исследованиям численных методов

ионосферного моделирования. Чтобы ускорить выход в свет наших результатов, мы решили предварительно опубликовать их в виде препринтов (препринт - это и есть, по определению, предварительная публикация, осуществляемая не журналом, а организацией, где выполнена работа, обычно небольшим тиражом - 100-150 экземпляров, на ротапринте), поскольку даже в случае принятия наших статей "Геомагнетизм и аэрономией" опубликования пришлось бы ждать год - полтора (мы отправили статьи в декабре 1974 года, а вышли из печати они в феврале и апреле 1976 года).

— Как положено, мы доложили свои работы на объединённом семинаре ЛПФ и КМИО и получили рекомендацию к печати. И тут опять замудрил Гострем. Сначала он откровенно заявил Косте, что нам следовало бы включить его в соавторы. На это Костя отослал его ко мне - мол, эти вопросы у нас Намгаладзе решает. Ко мне Гострем, естественно, обращаться не стал, зная, что без толку, а попросил у Кости тексты статей. Костя дал ему третьи экземпляры. Гострем попросил первые. Костя сказал, что они у меня. Тогда Гострем обратился, наконец, ко мне:

— Мне нужно посмотреть, так сказать, всё ли там, как следует...

— Так Вам же Костя дал экземпляры.

— Это не то, мне нужны первые, так сказать.

— Да они же идентичные.

— Но Вы не спорьте, так сказать. Надо уважать старших. Где у Вас совесть?

— А Вы объясните, пожалуйста, зачем Вам нужны именно первые экземпляры? Вы их помнёте, можете испачкать нечаянно, а для препринтов требования к чистоте оформления очень строгие, потом переделывать придётся!

— Но Вы покажите мне их только, - настаивал Гострем.

— Ну да, а Вы сунете их в портфель, и потом их год от Вас не вырвешь, - не скрывал своих подозрений я, глубоко убеждённый, что Гострем именно так и поступит, просто чтобы заставить нас бегать за ним и выпрашивать статьи обратно. Так уже было однажды с тезисами каких-то наших докладов, в которых Гострем тоже хотел быть соавтором. Так я ему и не дал первые экземпляры, чем довёл Гострема до белого каления. Но к этому времени мои отношения с ним уже были хуже, чем у кошки с собакой.

— Они резко ухудшились ещё летом. Конфликты возникали один за другим. Так, например, к нам на работу просилась выпускница КГУ Нина Лутошкина, отличница, которую я хорошо знал ещё со времён своего преподавания в университете. Я ходатайствовал за неё перед Гостремом. Тот промышчал что-то неопределённое в том смысле, что сейчас, мол, нет ставок, а вот когда появятся, тогда нужно будет подумать. Я так и передал ответ Гострема Лутошкиной. В то время свободные ставки на тему появлялись практически непрерывно из-за большой текучести кадров, особенно среди вспомогательного персонала - люди охотно шли на гостремовскую рекламу, поверив его обещаниям всяческих благ, но быстро разочаровывались и уходили. Когда стало точно известно, что свободные ставки на тему есть, Лутошкина снова объявилась, и я снова обратился к Гострему. Но тот что-то темнил, тянул резину, хотя и не отказывал напрочь, из-за чего я и продолжал обнадёживать Лутошкину. Мы с ней даже обсудили возможное направление работы для неё, я подобрал ей литературу, а она принялась за её изучение. И тут, наконец, Гострем конфиденциально выдал мне своё откровение, взяв под ручку и отведя в сторону (помню, в леске у второго здания):

— Лутошкину не надо, так сказать. Она не то. Вы понимаете, "французская" кровь, так сказать.

— Я обалдел.

— Лутошкина - еврейка? Да Вы что? У неё только что волосы чёрные, а сама она - Нина Степановна, курносая, одним словом - Лутошкина.

— Тут я прикинулся, конечно, слегка дурачком. Лутошкина внешне чем-то напоминала мою сестру Любку, на русскую не очень походила, могла сойти и за еврейку.

— Вот Вы и проверьте, так сказать. Но я знаю... - сделал многозначительную мину

Гострем.

—- Чего это ради я этим буду заниматься? Да если и еврейка - так что же? Вы, вон, Крукова сами пригласили, Михаила Исааковича, а у него и внешность типично еврейская.

—- Вы не понимаете. Теперь ситуация другая. Лутошкина не пойдёт.

—- А как же я ей должен объяснить отказ?

—- Скажите, ставок нет.

—- Так всем известно, что есть.

—- Ничего, ничего, так сказать. Всё будет нормально. Идите, работайте.

—- Только антисемитизма ещё у Гострема не хватало! Ведь не замечалось до сих пор за ним вроде бы ничего такого. Сам-то чёрт знает каких кровей! Вот, паразит. Лутошкиной мне пришлось сказать:

—- Не хочет Вас Гострем брать, хотя я за Вас и ходатайствовал, а почему - не знаю... - Не повернулся у меня язык сказать ей правду - почему. Лутошкина расстроилась, конечно, а мне и утешить её было нечем.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)